

Об истоках национальной идентичности белорусов

Людмила ИГНАТОВЕЦ,
кандидат исторических наук

Историей подтверждено, и не раз, что роль политики государства в области образования существенно возрастает после переломных событий в истории страны или народа. В это время система образования становится мощным инструментом формирования государственной идеологии. Одним из моментов, изменивших ход истории Беларуси, был раздел Речи Посполитой и включение белорусских земель в состав Российской империи. Последовавшая за этим событием русификация системы образования на белорусских землях, как ни парадоксально это звучит, выступила катализатором процесса поиска местным населением своей национально-культурной идентичности и стала предпосылкой формирования белорусского национального самосознания.

Несмотря на то, что после третьего раздела Речи Посполитой белорусские земли находились в составе Российской империи уже более четверти века, воспитание и образование местной шляхты продолжало воспроизводить польскую национально-культурную идентичность и культивировало мечту о возрождении Речи Посполитой. Эти идеи проводила и администрация Виленского учебного округа, в ведении которого находились государственные и негосударственные (в основном содержавшиеся при католических монашеских орденах) учебные заведения. Резуль-

татом такой политики в сфере образования стала поддержка подавляющим большинством польской шляхты Наполеона в войне 1812 года против России и деятельность с 1817 года тайных обществ в учебных заведениях Виленского округа.

По мнению генерал-губернатора Витебского, Могилевского, Смоленского и Калужского Н.Н. Хованского, которое он донес до императора Александра I в январе 1824 года, существовавшая система преподавания в подведомственных ему Витебской и Могилевской губерниях, входивших в состав Виленского учебного округа, состояла «в том, чтобы в учащихся поселить дух полонизма» и привить «равнодушие и неприязнь к коренным русским и ко всему русскому» [1, с. 1785–1786].

Подобное положение дел с точки зрения государственных интересов Российской империи было неприемлемым. Вследствие чего появилось понимание необходимости проведения на присоединенных территориях новой политики в сфере образования в интересах Российской империи. Вступивший в должность 15 мая 1824 года новый министр народного просвещения А.С. Шишков сформулировал основные принципы данной политики:

ОБ АВТОРЕ

ИГНАТОВЕЦ Людмила Михайловна.

Родилась в д. Ополь Ивановского района Брестской области.

Окончила Белорусский государственный университет (2007), магистратуру (2009), аспирантуру БГУ (2012).

С 2007 года работает в Институте теологии имени святых Мефодия и Кирилла БГУ: секретарь приемной руководителя (2007–2012), методист учебно-методического отдела (2012–2013), начальник учебно-методического отдела (2013–2014). С 2014 года – начальник учебно-методического отдела, старший преподаватель кафедры богословия Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла БГУ.

Кандидат исторических наук (2013).

Автор 8 научных работ.

Сфера научных интересов: история образования и просвещения на белорусских землях в первой половине XIX века.

– воспитание во всей империи, несмотря на различие вероисповеданий и языков, должно быть русское;

– все иноверное юношество должно изучать и знать русский язык, преимущественно изучать российскую историю и российские законы;

– количество учебных предметов должно быть «благоразумно ограничено» и приведено в соответствие с предназначением учебного заведения и в соответствие со «званиями, к которым учащиеся предназначаются»;

– греческий язык должен иметь преимущество перед латинским везде, «кроме училищ иноверных»;

– не терять из вида «возделывание нравственности, которой христианину вне церкви, нигде найти не можно» [1, с. 531–537].

Таким образом, еще в царствование императора Александра I был провозглашен курс на русификацию учебного процесса во всей империи и на проведение принципа сословности в осуществлении политики в области образования. Это направление получило свое дальнейшее развитие уже в правление императора Николая I.

К концу царствования Александра I Витебскую и Могилевскую губернии в официальных документах Российской империи стали считать исконно русскими и называть «возвращенные от Польши». Однако ранее, наряду с прочими территориями бывшей Речи Посполитой, эти губернии назывались в официальных документах «присоединенными от Польши», то есть исконно русскими не считались. Изменение подходов к трактовке двух белорусских губерний явилось основой и оправданием осуществления российским правительством русификации в системе образования этих губерний и создания в 1829 году инструмента ее реализации – Белорусского учебного округа, который первоначально охватывал «возвращенные от Польши» Витебскую и Могилевскую губернии. Целью новой образовательной политики на данных территориях стала политическая и этнокультурная ассимиляция населения белорусских губерний с русским этносом.

Разработанная попечителем Белорусского учебного округа Г.И. Карташевским комплексная программа русификации системы образования предусматривала:

– замену учебных заведений, действовавших при католических и униатских

монастырях, государственными учебными заведениями;

– введение с учетом местных особенностей общероссийской типологии учебных заведений (согласно новому Уставу учебных заведений 1828 года: гимназии для дворян, уездные училища для мещан, приходские училища для крестьян) и общероссийского учебного плана;

– перевод преподавания во всех учебных заведениях на русский язык;

– обеспечение учебных заведений лояльными к Российской империи учителями [2, л. 332 об.].

Программа осуществлялась довольно успешно. Уже в конце 1830 года 22 из 25 учебных заведений, действовавших на территории округа, то есть 88 %, являлись государственными, преподавание в них велось на русском языке [3, л. 6]. Польский же язык целенаправленно вытеснялся из системы образования не только как язык преподавания, но и как учебная дисциплина. С 1836 года преподавание польского языка в учебных заведениях Витебской и Могилевской губерний запретили [4, л. 12 – 12 об.].

Правительство Российской империи было удовлетворено ходом русификации системы образования Витебской и Могилевской губерний и негативно оценивало деятельность Виленского учебного округа и Виленского университета. Активное участие студентов и многих преподавателей этого университета в восстании 1830–1831 годов привело к закрытию в 1832 году Виленского университета, расформированию Виленского учебного округа и передаче его территорий в состав Белорусского (в 1831 году – Минской губернии, в 1832 году – Виленской, Гродненской губерний и Белостокской области). В результате этого решения территория Белорусского учебного округа охватила практически всю этническую территорию Беларуси. Его администрация получила распоряжение о проведении на присоединенных к округу территориях той же программы русификации системы образования, что реализовывалась в Витебской и Могилевской губерниях. Идеологическим обоснованием такой политики стало то, что с начала 1830-х годов в официальных документах Российской империи Минская, Виленская, Гродненская губернии и Белостокская область, так же, как раньше это произошло с Витебской и

► Виленский университет. Большой двор университета. Середина XIX века

Могилевской губерниями, начали называть «возвращенными от Польши», то есть исконно русскими [5, с. 426].

Результаты русификации системы образования в Минской, Виленской, Гродненской губерниях и Белостокской области стали видны уже к 1835 году. Тогда исправляющий должность товарища министра народного просвещения граф Н.А. Протасов, осматривая учебные заведения округа, отмечал: «Важное дело преобразования народного воспитания в сей стране находится в полном ходу... Повсюду обращенное в продолжение двух лет глубокое внимание на изучение русского языка дало уже возможность преподавать все предметы на сем языке... Теперь в большей уже части гимназий помещены русские начальники и значительное число учителей родом из внутренних губерний, кои... успели в короткое время поселить в детях, попечению их вверенных, приверженность и доверие, следствием коих есть очевидное расположение и готовность юношей обучаться по-русски... Превосходство теперешнего воспитания в нравственном и учебном отношении над тем образованием, которое юноши сего края прежде получали в духовных училищах, столь очевидно, что и предубежденные родители в том сознаются и посылают детей своих в наши заведения» [5, с. 1022–1024].

В 1835 году в Белорусском учебном округе был установлен контроль над женскими

учебными заведениями, содержащимися частными лицами и католическими орденами (женских учебных заведений, содержащихся за счет правительства, в округе еще не существовало). Учредителям этих учебных заведений рекомендовали организовывать учебный процесс на основе русскоориентированного содержания образования. Поскольку нехватка финансовых средств не позволяла учреждать женские учебные заведения на полном государственном обеспечении, была избрана тактика материального поощрения и частичного финансирования частных учебных заведений, «содержательницы которых в течение нескольких лет докажут на опыте готовность свою сообщаться во всем с видами правительства» [6, с. 477]. Однако желаемых результатов такой подход не принес. По свидетельству Витебского губернатора С.А. Долгорукова, в женских пансионах русскую речь даже понимали с трудом [7, л. 7].

Белорусский учебный округ просуществовал чуть более 20 лет – с 1829 по 1850 год. За это время на его территории удалось решить следующие задачи по русификации системы образования:

- унифицировать структуру учебных заведений округа согласно общероссийскому Уставу учебных заведений 1828 года;
- перевести преподавание во всех государственных учебных заведениях на русский язык, исключив возможность изучения в них польского языка;
- обеспечить большинство учебных заведений лояльными к Российской империи учителями (часть которых была выходцами из внутренних российских губерний);
- создать систему материальной поддержки детей малоимущей шляхты, позволявшей ей учиться в гимназиях и университетах, что должно было способствовать формированию позитивного отношения к российскому государству;
- приступить к русификации женского образования.

Вместе с тем, несмотря на то, что система образования (мужского) в Белорусском учебном округе была по форме и содержанию русифицирована, стратегическая цель правительства, сформулированная как «сближение тамошних жителей с природными россиянами», не была достигнута. На это обращал внимание императора Николая I Витебский губернатор С.А. Долгоруков

в докладной записке «О причинах неприятных действий помещиков Витебской губернии в отношении к православию», датированной 19 марта 1849 года. Губернатор обвинял «членов высшего дворянского круга в совершенном равнодушии, даже презрении ко всему русскому, и в особенности к Российским государственным установлениям». Как утверждал С.А. Долгоруков, нельзя было не заметить, что они в душе все чего-то желали и ожидали: женщины вышивали, где только могли, польский герб; дети, учась музыке, пели положенную на ноты польскую историю: там, где воспевалась победа – происходил сильный восторг, там, где неудача – проливали слезы. В этой связи губернатор высказывал убеждение, что «эти семена, с детства в сердцах посеяемые и с таким простором развиваемые», могли принести когда-нибудь пагубные для спокойствия государственного плоды. В докладной записке также сообщалось: «В настоящее время намечается весьма мало слияния между русскими и поляками, и... на будущее время также нельзя ожидать больших успехов в этом деле, судя по образу здешнего воспитания» [7, л. 4 – 7 об.].

Попечитель Белорусского учебного округа Э.А. Грубер, как и Витебский губернатор, признавал, что цель правительства по ассимиляции местного населения с русским этносом не достигнута – шляхта не сменила свою польскую национально-культурную идентичность. Вместе с тем, как утверждал попечитель, система образования в Белорусском учебном округе была русифицирована и со своей стороны обеспечивала необходимые условия для формирования у местного дворянства русского

национального самосознания. По мнению Э.А. Грубера, для достижения поставленной цели необходимо провести мероприятия общественно-политического и социально-культурного характера, и русификация системы образования – только их часть.

Хотя национальная идентичность человека формируется под влиянием таких факторов, как этнопроисхождение, язык повседневного общения, вероисповедание, признание действующей системы государственности и т.д., ни один из них не является определяющим, так как национальная идентичность – это результат интериоризации человеком идей и представлений, существующих в референтном для него сообществе.

Первым механизмом формирования национальной идентичности человека является семейное воспитание. Его роль становится решающей при отсутствии противодействия такому воспитанию со стороны информационных потоков и/или значимых для ребенка людей. Если мы посмотрим на проблему формирования национально-культурной идентичности шляхты белорусских земель во второй четверти XIX века, то увидим, что в это время воспроизводство польской национально-культурной идентичности было доминирующей тенденцией. Подтверждением тому могут служить и слова Виленского военного губернатора, Гродненского, Минского и Белостокского генерал-губернатора Ф.Я. Мирковича, сказанные им во время приема у императора в 1840 году: «Они (поляки. – Л.И.) решились, особенно женщины, питать в детях ненависть к нам и поддерживать мечты о своей национальности. Министерство на-

	1 класс	2 класс	3 класс
Закон Божий	3	3	3
Русский язык	7,5	7,5	6
Французский язык	7,5	6	6
Немецкий язык	4,5	4,5	3
Польский язык	1,5	1,5	1,5
География русская и всеобщая	3	3	3
История русская и всеобщая	-	3	3
Арифметика	3	3	3
Чистописание и рисование	6	4,5	4,5
Итого	36	36	33

◀ Учебный план Виленского благородного пансиона для образования девиц среднего состояния (в таблице указано количество недельных часов по классам)
 Источник: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866–1904. – Т. 2: 1835–1849. – 1866. – 1104 с. – С. 691–696.

родного просвещения сделало величайшие усилия для здешнего края, обставило свои заведения отличными людьми... ввело русский язык основательно, но далее ничего не может сделать в нравственном отношении: ибо то, что юношеству внушается в классах, уничтожается в родительских домах, и мы остаемся на той же точке» [8, с. 415–416].

Попав в систему русифицированного школьного воспитания, ребенок вынужден был приспособливаться к ее требованиям, но зачастую это приспособление было чисто внешним, не затрагивающим уже сформированной национальной идентичности. В некоторых случаях школьное обучение могло посеять сомнения в ее адекватности и актуализировать вопрос «кто я?». Появление этого вопроса открывало возможность изменения национальной идентичности ребенка, но, во-первых, не делало его неизбежным и, во-вторых, не обязательно вело к заданному результату – формированию русской национально-культурной идентичности. Растянутый во времени и подкрепляемый системой государственных преференций и запретов, данный процесс мог бы, наверное, привести жителей западных губерний к русской национально-культурной идентичности, если бы русификация системы образования проводилась в условиях более эффективной общей политики ассимиляции местного населения. Государство существенно повлияло бы на национальную самоидентификацию местного населения,

если бы смогло сформулировать и донести до людей некоторую метаидею, делающую оправданной смену национальной идентичности. Но такой идеи в первой половине XIX века просто не существовало. Низкий уровень миграционных потоков и межрегиональных культурных и экономических контактов лишь способствовал сохранению существовавшего положения дел.

Вместе с тем Белорусский учебный округ, в рамках которого осуществлялась русификация системы образования, сыграл значимую роль в зарождении белорусской национальной идеи. Учащаяся молодежь все чаще задавала вопрос: если мы не поляки (как говорят в школе) и не русские (как говорят дома), то кто мы?

В качестве примера приведем следующий факт. Майор в отставке А. Космоловский писал А. Ельскому, что его племянник, родители которого, по выражению майора, были коренными поляками, после обучения в российской гимназии внезапно объявил себя белорусом, заявив, что не знает польского языка и польских обычаев. Хотя он не знал ни слова по-белорусски, а владел только русским языком [9, с. 297–298]. Свидетельством зарождения и развития белорусского национального самосознания у местной шляхты могут служить и воспоминания И.Н. Захарьина, относящиеся к 1864–1870 годам: «В то время... большинство чиновников в Могилевской губернии состояло все еще из поляков, между которыми была масса лиц, числящихся православными; это были местные уроженцы (можно предполагать, что они учились в учебных заведениях Белорусского учебного округа. – Л.И.) – «белорусы», как они стали называть себя после усмирения восстания» [10, с. 66]. Очевидно, что такое положение предопределило формирование белорусской национальной идеи.

Таким образом, хотя русификация системы образования белорусских земель во второй четверти XIX века в рамках Белорусского учебного округа не привела к массовой замене польской национально-культурной идентичности местной шляхты на русскую, она выступила катализатором процесса поиска им своей национально-культурной идентичности, что может рассматриваться как один из первых шагов к формированию белорусского национального самосознания. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 2-е изд. – СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1875. – Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. – 1864 с.
2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Фонд 733. – Оп. 2. – Д. 6.
3. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 66. – Д. 46.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 224.
5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – 2-е изд. – СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1875. – Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855, отделение 1: 1825–1839. – 1576 с.
6. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866–1904. – Т. 2: 1835–1849. – 1866. – 1104 с.
7. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 66. – Д. 918.
8. Миркович, Ф.Я. Из записок Ф.Я. Мирковича / Ф.Я. Миркович // Русский архив. – 1890. – № 3. – С. 395–434.
9. Куль-Сяльверстава, С. Эвалюцыя этнічнага самавызначэння прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя ў Беларусі XVIII–XIX стст. / С. Куль-Сяльверстава // Польшка-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі: матэрыялы IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаеманасці», 20–22 ліпеня 2001 г., Беласток / Пад рэд. М. Кандрацюка. – Беласток, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2002. – С. 291–299.
10. Захарьин, И.Н. Воспоминания о Белоруссии: [1864–1870 гг.: Из записок мирового посредника] / И.Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – № 4. – С. 56–96.